УДК 352.07:005.21
JEL: H70, H77, R58
EDN: NGBMCT

Оригинальная научная статья
ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

ЭКОНОМИКО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ К НОВОЙ МОДЕЛИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Сергей Николаевич Яшин[1],
Ирина Владимировна Гуськова[2],
Ирина Валерьевна Герсонская[3]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижегородский институт управления – филиал; 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 46; e-mail: jashinsn@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7182-2808; SPIN-код: 4191-7293; AuthorID РИНЦ: 490543
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижегородский институт управления – филиал; 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 46; e-mail: guskova@iee.unn.ru; ORCID: 0000-0002-2229-1254; SPIN-код: 9371-3737; AuthorID РИНЦ: 306975
[3]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал; 398050, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Интернациональная, д. 3; e-mail: gersonskaya-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-1099-0477; SPIN-код: 2025-3565; AuthorID РИНЦ: 296933

Аннотация. **Введение.** Переход к новой модели организации местного самоуправления в единой системе публичной власти изменяет требования к распределению полномочий, межуровневой координации, ресурсному обеспечению и оценке результатов муниципального управления. Для принятия обоснованных решений требуется методика, позволяющая отличать внешние социально-экономические ограничения от располагаемого потенциала и фактических результатов его использования. Цель исследования состоит в разработке экономико-организационного механизма адаптации муниципального управления и методического подхода к оценке исходной готовности городских систем к институциональным преобразованиям.

Методы. Эмпирическую базу составили официальные данные Росстата за 2017, 2021 и 2023 гг. по 16 городам – центрам субъектов Центрального федерального округа. Москва исключена из выборки вследствие особого статуса и несопоставимого масштаба экономики. Использованы сравнительный, динамический, коэффициентный и ранговый методы, квартильная группировка и анализ чувствительности. Показатели объединены в три блока: адаптационно-демографическая устойчивость, ресурсно-организационный потенциал и результативность использования ресурсов.

Результаты. Установлено, что средний коэффициент естественной убыли населения после ухудшения с -2,64% в 2017 г. до -10,43% в 2021 г. восстановился лишь до -5,83% в 2023 г. При этом различия между городами по выпуску обрабатывающих производств на одного жителя и на одного работника значительно превышают вариацию социальных показателей. Разработан интегральный индекс, основанный на ранговой нормализации, который снижает влияние индустриальных выбросов и позволяет выявлять несбалансированность между ресурсами и результатами. Относительно высокий уровень исходной адаптационной готовности зафиксирован у Тулы, Калуги, Рязани и Твери; пониженный – у Курска, Костромы, Иванова и Орла.

Обсуждение. Предложенный механизм включает диагностический, институционально-компетентностный, ресурсно-программный, оперативно-адаптивный и контрольно-обратный блоки. Индекс предназначен не для санкционного ранжирования, а для настройки дифференцированной поддержки, муниципальных программ и межуровневой координации. Полученные результаты формируют базовую точку для последующей оценки эффектов реформы после накопления сопоставимых данных.

Ключевые слова: муниципальное управление, единая система публичной власти, местное самоуправление, адаптация, эффективность, интегральная оценка, ресурсный потенциал, город, стратегическое планирование, Центральный федеральный округ.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Яшин С.Н., Гуськова И.В., Герсонская И.В. Экономико-организационный механизм адаптации муниципального управления к новой модели публичной власти: методический подход к оценке эффективности. Государственное управление и право. 2026. № 3(11). С. 159-170. EDN: NGBMCT

© Яшин С.Н., Гуськова И.В., Герсонская И.В., 2026

UDC 352.07:005.21
JEL: H70, H77, R58
EDN: NGBMCT

Original scientific article
HAC 5.2.7. Public and municipal administration

ECONOMIC AND ORGANIZATIONAL MECHANISM FOR ADAPTING MUNICIPAL GOVERNANCE TO THE NEW MODEL OF PUBLIC AUTHORITY: A METHODOLOGICAL APPROACH TO PERFORMANCE ASSESSMENT

Sergey N. Yashin[1],
Irina V. Guskova[2],
Irina V. Gersonskaya[3]

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch; 46 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; e-mail: jashinsn@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7182-2808
[2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch; 46 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; e-mail: guskova@iee.unn.ru; ORCID: 0000-0002-2229-1254
[3]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch; 3 Internatsionalnaya Street, Lipetsk, 398050, Russian Federation; e-mail: gersonskaya-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-1099-0477

Annotation. **Introduction.** The transition to a new model of local self-government within the unified system of public authority changes requirements for the allocation of powers, intergovernmental coordination, resource provision, and municipal performance assessment. Evidence-based decisions require a method that separates external socioeconomic constraints from available capacity and the outcomes of its use. The study aims to develop an economic and organizational mechanism for adapting municipal governance and a methodological approach to assessing the initial readiness of urban systems for institutional transformation.

Methods. The empirical base comprises official Rosstat data for 2017, 2021, and 2023 for sixteen regional-capital cities of the Central Federal District. Moscow is excluded because of its federal-city status and incomparable scale. Comparative, dynamic, ratio, rank-based, quartile, and sensitivity methods are used. Indicators are combined into three blocks: adaptive and demographic resilience, resource and organizational capacity, and resource-use performance.

Results. The average natural population balance deteriorated from -2.64 % in 2017 to –10.43 % in 2021 and recovered only to -5.83 % in 2023. Cross-city variation in manufacturing output per resident and per employee substantially exceeds variation in social indicators. An integral rank-normalized index limits the influence of industrial outliers and reveals imbalances between resources and outcomes. Tula, Kaluga, Ryazan, and Tver display relatively high initial adaptive readiness, whereas Kursk, Kostroma, Ivanovo, and Orel form the lower group.

Discussion. The proposed mechanism includes diagnostic, institutional and competence, resource and program, operational and adaptive, and feedback and accountability circuits. The index is intended for differentiated support, adjustment of municipal programs, and intergovernmental coordination rather than punitive ranking. Since the data precede full implementation of the new federal model, the results form a baseline for subsequent evaluation of reform effects.

Keywords: municipal governance, unified system of public authority, local self-government, adaptation, performance, integral assessment, resource capacity, city, strategic planning, Central Federal District.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Yashin, S.N., Guskova, I.V., Gersonskaya, I.V. (2026). Economic and organizational mechanism for adapting municipal governance to the new model of public authority: a methodological approach to performance assessment. Public administration and law, 3(11), 159-170. EDN: NGBMCT

Введение

Муниципальный уровень является тем звеном публичного управления, на котором институциональные решения непосредственно преобразуются в доступность услуг, состояние городской инфраструктуры, условия занятости и качество повседневной среды. Конституционная конструкция местного самоуправления сочетает самостоятельность населения при решении вопросов местного значения с включённостью органов местного самоуправления во взаимодействие с органами государственной власти [1]. Поэтому изменение модели публичной власти неизбежно затрагивает не только юридическую архитектуру, но и экономическую организацию муниципального управления: распределение функций, бюджетных и имущественных ресурсов, кадровую нагрузку, систему программ и способы измерения результата.

Стратегическое планирование предполагает согласование целей, ресурсов и показателей на разных уровнях управления [2]. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ закрепил общие принципы организации публичной власти в субъектах Российской Федерации [3], а Федеральный закон от 20 марта 2025 г.

© Yashin S.N., Guskova I.V., Gersonskaya I.V., 2026

№ 33-ФЗ сформировал новую нормативную основу местного самоуправления в единой системе публичной власти [4]. Федеральным законом от 9 апреля 2026 г. № 85-ФЗ переходный период по ключевым полномочиям продлён до 1 января 2028 г. [5]. В течение этого периода сохраняется действие значительной части полномочий, определённых Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [6]. Тем самым муниципальные системы функционируют в режиме институционального перехода. Новые организационные правила уже формируются, но ресурсные, программные и статистические подсистемы ещё во многом основаны на прежней модели.

Существующая система официальной оценки деятельности органов местного самоуправления, заданная Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 [7] и постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317 [8], ориентирует управление на измеримые результаты. Вместе с тем она не полностью решает задачу оценки адаптации к институциональной реформе. Итоговый показатель может ухудшаться под влиянием демографического шока или отраслевой структуры, а рост ресурсов не всегда сопровождается улучшением социальных результатов. Следовательно, необходима модель, разделяющая три аналитически самостоятельные стороны (внешние вызовы и устойчивость, ресурсно-организационный потенциал, результативность использования этого потенциала).

Актуальность исследования определяется необходимостью создать воспроизводимый базовый срез до завершения переходного периода. Поскольку доступные городские данные заканчиваются 2023 г., они не позволяют установить причинный эффект Федерального закона № 33-ФЗ. Однако именно такая дореформенная база необходима, чтобы в дальнейшем сопоставлять траектории муниципальных систем, фиксировать стартовую неоднородность и не приписывать реформе различия, сложившиеся ранее.

В современной российской литературе можно выделить два взаимодополняющих направления. Первое рассматривает институциональное место местного самоуправления в системе публичной власти. М.Р. Зазулина показывает, что встраивание местного самоуправления в единую систему усиливает координационный потенциал государства, но одновременно создаёт риск ослабления собственно муниципальной субъектности и требует более точного разграничения ответственности [9, с. 276-282]. А.А. Иванов связывает эффективность муниципальной службы с согласованием требований государственной и муниципальной службы, качеством кадрового обеспечения и едиными стандартами публичного управления [10, с. 22-24]. Т.Н. Михеева и Д.С. Михеев, оценивая двадцатилетний период действия Федерального закона № 131-ФЗ, отмечают накопление многочисленных изменений и неоднозначность результатов прежней модели [11, с. 440-444]. А.А. Шахов акцентирует конституционные пределы включения местного самоуправления в единую систему публичной власти и необходимость сохранения его самостоятельной природы [12, с. 30-32].

Особое значение для настоящей работы имеет исследование С.Н. Калюгиной, О.А. Мухорьяновой и А.И. Пьянова, посвящённое переходу к одноуровневой модели на примере Ставропольского края. Авторы не обнаружили автоматического повышения устойчивости социально-экономического развития и сокращения муниципальной асимметрии только вследствие территориально-организационных преобразований [13, с. 164-185]. Этот вывод подтверждает, что нормативная унификация сама по себе не заменяет диагностику ресурсов, механизмов исполнения и результатов.

Второе направление связано с разработкой систем индикаторов и рейтингов. А.С. Аладышкина с соавторами формируют методическую базу ESG-оценки муниципальных образований, объединяя экологические, социальные и управленческие характеристики [14, с. 140-151]. А.А. Волошинская и В.В. Акимова обосновывают необходимость согласования индикаторов устойчивого развития города с документами стратегического планирования [15, с. 209-219]. П.А. Жданчиков и И.Н. Ильина предлагают индекс городской успешности и подчёркивают роль прозрачной процедуры отбора и сбора данных [16, с. 234-249]. Е.А. Лясковская, Т.А. Худякова и А.В. Шмидт показывают, что рейтинг умных городов требует корректировки состава показателей и способов агрегирования, иначе итоговое место города может зависеть от методических допущений сильнее, чем от реальных изменений [17, с. 1050-1058].

Критика рейтингового подхода получила развитие в работе А.В. Макарова и Ю.Ю. Пономарёва. Рейтинг полезен как инструмент обратной связи, но его включение в систему управления создаёт риск оптимизации отчётности под формальные метрики [18, с. 150-162]. Л.С. Валинурова, О.Б. Казакова и Н.А. Кузьминых развивают модель «тройной спирали» для муниципального ESG-управления, показывая значение взаимодействия власти, бизнеса и общественных структур [19, с. 360-369]. Финансовые ограничения территориального развития и зависимость проектов от межуровневой координации раскрыты А.О. Рындиной и В.А. Свищевой [20, с. 44-46].

О.А. Романова и Г.Ф. Галиуллина используют качество жизни как индикатор эффективности территориальных режимов развития [21, с. 504-510]. Е.В. Зарова и И.А. Залманов демонстрируют значение пространственного фактора при моделировании городской занятости [22, с. 10-17], а А.В. Зубарев и Я.П. Мотякина показывают неодинаковую реакцию занятости городов на специальные режимы развития [23, с. 156-165].

Наиболее близкой к предлагаемому подходу является позиция Е.О. Дмитриевой, рассматривающей муниципальные рейтинги как элемент стратегического планирования, а не как самоцель [24, с. 126-135]. Вместе с тем в рассмотренных исследованиях институциональная адаптация, ресурсная обеспеченность и социально-экономическая результативность чаще анализируются раздельно. Недостаточно разработан инструмент, который одновременно фиксирует дореформенную стартовую позицию, устойчив к экстремальным отраслевым значениям, показывает внутреннюю несбалансированность муниципальной системы и может быть встроен в бюджетно-программный цикл. Именно этот пробел определяет постановку настоящего исследования.

Под экономико-организационным механизмом адаптации муниципального управления предлагается понимать циклически действующую систему диагностики, распределения компетенций и ответственности, ресурсно-программной настройки, оперативного выбора управленческих решений и обратной связи, обеспечивающую согласование новых институциональных требований с возможностями конкретной территории. В отличие от статического рейтинга, такой механизм не заканчивается присвоением балла. Оценка должна запускать корректирующее действие и последующую проверку результата.

Цель исследования

Цель исследования состоит в разработке экономико-организационного механизма адаптации муниципального управления к новой модели публичной власти и методического подхода к оценке его эффективности на основе сопоставимых городских статистических показателей.

Для достижения цели решаются следующие задачи: уточняется содержание адаптации муниципального управления; формируется трёхблочная система показателей; оценивается динамика социально-демографических, ресурсных и результативных характеристик городов; строится интегральный индекс исходной адаптационной готовности; определяется порядок применения результатов в муниципальном программировании и межуровневой координации.

Методы исследования

Эмпирическая база сформирована по статистическим сборникам Росстата «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов» за 2020 г., 2022 г. и 2024 г. [25-27]. Сборники содержат сопоставимые сведения соответственно за 2017-2019, 2019-2021 г. и 2022-2023 гг. В выборку включены 16 городов – центров субъектов Центрального федерального округа (Белгород, Брянск, Владимир, Воронеж, Иваново, Калуга, Кострома, Курск, Липецк, Орёл, Рязань, Смоленск, Тамбов, Тверь, Тула и Ярославль). Город Москва исключён вследствие статуса города федерального значения и масштаба, существенно превышающего параметры остальных наблюдений.

Контрольными точками выбраны 2017 г., 2021 г. и 2023 г. Первая характеризует докризисное исходное состояние, вторая отражает максимальную нагрузку пандемийного периода, третья является последним годом, представленным во всех необходимых разрезах. Такой дизайн информационной базы исследования позволяет оценить устойчивость и восстановление, но не является полноценной ежегодной панелью. Показатели приведены к сопоставимому масштабу. Коэффициент естественного прироста или убыли определяется как разность числа родившихся и умерших в соответствующем году на 1 000 жителей:

$$K_{\text{nat}}(i,t) = B(i,t) - D(i,t), \quad (1)$$

где: B(it) – число родившихся на 1 000 жителей в городе i в году t;

D(it) – число умерших на 1 000 жителей.

Отрицательное значение означает естественную убыль. Важно, что показатель не характеризует прирост относительно предыдущего года. Он отражает баланс рождений и смертей внутри конкретного календарного года.

Для устранения влияния размера города абсолютные стоимостные и трудовые показатели пересчитаны на одного жителя или на 1 000 жителей:

$$x^{\star}(i,t) = \frac{X(i,t)}{N(i,t)}, \quad (2)$$

где: X(it) – абсолютный показатель;

N(it) – численность населения.

Стоимостные данные представлены в фактически действовавших ценах; поэтому изменение 2023 г. к 2017 г. является номинальным и не интерпретируется как реальный рост без дефлирования.

Методика включает три блока. Блок A «Адаптационно-демографическая устойчивость» объединяет естественный баланс 2023 г., его улучшение относительно 2021 г., численность работников организаций на 1 000 жителей в 2023 г. и изменение этого показателя к 2017 г. Блок R «Ресурсно-организационный потенциал» включает ин-

вестиции и основные фонды на одного жителя, плотность зарегистрированных организаций и выпуск обрабатывающих производств на одного жителя. Блок E «Результативность использования ресурсов» включает заработную плату, жилищную и врачебную обеспеченность, выпуск обрабатывающих производств в расчёте на одного работника организаций и ввод жилья на 1 млн руб. инвестиций.

Ввиду существенной отраслевой неоднородности использована ранговая нормализация, ограничивающая влияние экстремальных значений. Для каждого показателя городам присваивается ранг от 1 – худшее значение, до n – лучшее значение, после чего рассчитывается нормированный балл:

$$z(i,j) = \frac{r(i,j)-1}{n-1}, \qquad (3)$$

где: r(*ij*) – ранг города i по показателю j; n = 16.

Все включённые показатели преобразованы к направлению «чем больше, тем лучше». Частный индекс блока равен среднему нормированных баллов:

$$I(b,i) = \frac{1}{m_b}\sum_{j=1}^{m_b} z\,(i,j), \qquad (4)$$

а интегральный индекс рассчитывается при равных весах трёх блоков:

$$I(i) = \frac{I_A(i)+I_R(i)+I_E(i)}{3}, \qquad (5)$$

Равные веса используются как прозрачный базовый вариант. Устойчивость результатов проверяется двумя альтернативными сценариями (приоритет социально-экономической результативности с весами 0,25; 0,25; 0,50 и приоритет ресурсного потенциала с весами 0,25; 0,50; 0,25). Для группировки применяются квартильные границы распределения интегрального индекса.

Результаты исследования и их обсуждение

Первый блок показывает масштаб адаптационных вызовов и способность городской экономики сохранять организационно оформленную занятость.

В таблице 1 естественный прирост или убыль представлен как разность числа родившихся и умерших в каждом указанном году, а не как темп изменения относительно предыдущего периода.

Таблица 1. Социально-демографические и трудовые показатели городов – центров субъектов Центрального федерального округа в 2017-2023 гг. [рассчитано авторами по данным Росстата [25-27]]
Table 1. Socio-demographic and labour indicators of the cities – centres of the constituent entities of the Central Federal District in 2017-2023 [calculated by the authors based on Rosstat data [25-27]]

Город	Население на конец 2023 г., тыс. человек	Естественный прирост (убыль), человек на 1 000 жителей			Среднегодовая численность работников организаций, человек на 1 000 жителей		
		2017 г.	2021 г.	2023 г.	2017 г.	2021 г.	2023 г.
Белгород	328,5	−0,5	−7,0	−5,2	273,7	263,7	314,8
Брянск	389,3	−2,8	−11,5	−5,8	282,1	276,5	288,7
Владимир	346,7	−2,3	−9,7	−5,3	292,1	283,6	285,3
Воронеж	1 046,4	−1,3	−9,1	−4,3	248,9	254,0	248,1
Иваново	358,4	−4,5	−10,8	−7,0	201,7	197,0	215,7
Калуга	329,7	−1,4	−10,7	−5,3	334,7	339,7	339,1
Кострома	265,7	−0,6	−9,0	−4,6	239,1	241,5	239,4
Курск	436,7	−1,9	−9,8	−4,2	259,9	246,3	252,1
Липецк	485,3	−1,7	−11,2	−5,3	263,7	265,7	268,3
Орёл	292,4	−5,3	−12,8	−8,8	278,1	269,6	270,2
Рязань	520,5	−2,9	−12,0	−6,7	287,9	284,5	286,5
Смоленск	310,6	−2,2	−10,2	−5,7	311,5	279,3	282,0
Тамбов	256,3	−3,3	−10,3	−6,3	298,3	295,1	346,9
Тверь	413,0	−2,5	−9,5	−5,0	258,5	274,2	283,5
Тула	538,3	−6,7	−13,1	−8,2	314,7	333,0	328,8
Ярославль	567,4	−2,3	−10,1	−5,5	275,0	277,4	284,8

В среднем по выборке естественный баланс ухудшился с -2,64 человека на 1 000 жителей в 2017 г. до -10,43 в 2021 г. К 2023 г. показатель восстановился до -5,83, однако ни один город не вернулся к положительному естественному приросту. Наименее выраженная убыль зафиксирована в Курске, Воронеже и Костроме; наиболее высокая – в Орле и Туле. Следовательно, организационная адаптация не может сводиться к перераспределению административных функций. Демографическое сжатие

изменяет спрос на услуги, кадровую базу, территориальную доступность инфраструктуры и расходные обязательства.

Средняя численность работников организаций на 1 000 жителей изменилась с 276,2 в 2017 г. до 273,8 в 2021 г. и 283,4 в 2023 г. Рост среднего значения не является равномерным. В 2023 г. наиболее высокие значения наблюдаются в Тамбове, Калуге, Туле и Белгороде, а наиболее низкие – в Иванове, Костроме и Воронеже. Показатель характеризует плотность занятости в организациях, попадающих в статистическое наблюдение, но не является официальным коэффициентом занятости всего населения.

Второй блок отражает ресурсы, которыми муниципальная система может оперировать непосредственно или учитывать при формировании программ развития. Для исключения неоднозначных сокращений названия всех показателей в таблице 2 содержат экономический смысл, период и единицу измерения.

Таблица 2. Показатели ресурсно-инвестиционного и организационного потенциала городов – центров субъектов Центрального федерального округа (2017-2023 гг.) [рассчитано авторами по данным Росстата [25-27]]

Table 2. Indicators of the resource-investment and organizational potential of cities – centers of the constituent entities of the Central Federal District (2017-2023) [calculated by the authors based on Rosstat data [25-27]]

Город	Инвестиции в основной капитал на одного жителя, тыс. руб./чел. (текущие цены)			Изменение инвестиций на одного жителя (2023 г. к 2017 г., %)	Основные фонды организаций на конец 2023 г., тыс. руб./чел.	Число зарегистрированных организаций на конец 2023 г., ед. на 1 000 жителей	Отгруженная продукция обрабатывающих производств в 2023 г., тыс. руб./чел.
	2017 г.	2021 г.	2023 г.				
Белгород	47,7	72,9	114,2	139,2	1 505,8	40,3	385,2
Брянск	41,0	45,5	87,4	113,2	1 257,5	22,1	446,5
Владимир	59,5	67,3	117,2	97,0	1 432,4	30,1	448,6
Воронеж	86,5	96,4	137,9	59,3	1 187,0	27,0	245,2
Иваново	19,8	36,6	48,6	145,8	804,3	48,1	276,8
Калуга	83,4	125,3	152,0	82,3	2 224,6	28,7	542,2
Кострома	23,6	38,8	57,3	142,2	839,0	29,8	315,9
Курск	38,9	42,0	67,9	74,3	851,9	23,6	284,5
Липецк	66,1	137,3	137,4	108,0	1 945,1	23,7	1 778,0
Орёл	30,5	42,5	53,8	76,2	1 022,2	24,7	271,1
Рязань	67,4	63,9	79,5	17,9	1 798,9	30,7	681,9
Смоленск	16,8	36,6	63,0	274,8	701,8	49,9	322,1
Тамбов	62,4	39,8	87,8	40,7	1 554,4	28,5	436,5
Тверь	35,3	60,6	60,0	69,9	1 081,6	37,0	627,8
Тула	71,5	102,5	135,5	89,4	1 378,2	28,1	1 142,5
Ярославль	65,3	96,5	134,5	105,8	1 768,3	34,8	594,5

Средний объём инвестиций в основной капитал на одного жителя вырос в текущих ценах с 50,98 тыс. руб. в 2017 г. до 95,88 тыс. руб. в 2023 г. Наибольшие значения последнего года отмечены в Калуге, Воронеже, Липецке, Туле и Ярославле. Вместе с тем коэффициент вариации составляет 37,6 %, а прирост в процентах зависит от низкой или высокой исходной базы. Поэтому максимальное номинальное увеличение в Смоленске не означает лидерства по абсолютному ресурсному потенциалу.

По стоимости основных фондов на одного жителя лидируют Калуга, Липецк, Рязань и Ярославль. По числу зарегистрированных организаций на 1 000 жителей выделяются Смоленск, Иваново, Белгород и Тверь. Однако высокая организационная плотность не всегда сочетается с крупной фондовой базой и промышленным выпуском. Особенно значительна дифференциация выпуска обрабатывающих производств на одного жителя. Коэффициент вариации достигает 72,2%, а значения Липецка и Тулы многократно превышают показатели большинства административно-сервисных центров. Это подтверждает необходимость робастной нормализации вместо агрегирования исходных величин.

Третий блок характеризует результативность и относительную отдачу ресурсов. Он не отождествляет итоговые социально-экономические показатели исключительно с деятельностью местной администрации, но позволяет видеть, в какой среде реализуются муниципальные полномочия и программы (таблица 3).

Таблица 3. Результативность и расчётные показатели эффективности использования потенциала городов – центров субъектов Центрального федерального округа (2017-2023 гг.) [рассчитано авторами по данным Росстата [25-27]]
Table 3. Performance and estimated indicators of the efficiency of using the potential of cities – centers of the constituent entities of the Central Federal District (2017-2023) [calculated by the authors based on data from Rosstat [25-27]]

Город	Номинальная начисленная заработная плата работников организаций в среднем за месяц в 2023 г., тыс. руб.	Изменение заработной платы (2023 г. к 2017 г.), %	Жилищная обеспеченность на конец 2023 г., м²/чел.	Изменение жилищной обеспеченности (2023 г. к 2017 г.), м²/чел.	Численность врачей в 2023 г., человек на 10 тыс. жителей	Изменение обеспеченности врачами (2023 г. к 2017 г.), %	Отгруженная продукция обрабатывающих производств в 2023 г. на одного работника организаций, тыс. руб./работника	Ввод жилья в 2023 г. на 1 млн руб. инвестиций в основной капитал, м²
Белгород	63,1	88,0	31,9	7,1	105,9	37,2	1 223,7	3,6
Брянск	55,6	82,0	34,7	5,5	76,5	7,1	1 546,5	7,8
Владимир	61,2	84,4	30,6	5,0	71,0	18,1	1 572,7	7,7
Воронеж	65,6	86,4	33,0	4,9	94,4	11,3	988,2	6,7
Иваново	51,3	73,9	30,1	5,8	87,6	21,0	1 283,4	12,0
Калуга	65,7	65,6	29,3	4,0	68,8	14,5	1 598,8	6,8
Кострома	55,3	82,3	29,9	4,5	51,6	5,7	1 319,9	13,3
Курск	55,1	85,3	31,1	4,0	86,3	14,0	1 128,5	9,9
Липецк	63,8	76,3	33,4	6,3	62,0	0,0	6 627,3	3,2
Орёл	52,6	77,9	34,0	4,9	84,6	7,1	1 003,3	9,8
Рязань	63,6	76,5	33,7	7,1	96,4	20,7	2 380,6	8,5
Смоленск	56,9	81,1	31,7	4,6	106,0	6,7	1 142,1	10,1
Тамбов	50,1	73,3	36,6	10,0	94,4	33,0	1 258,5	10,3
Тверь	65,1	80,2	29,9	3,7	98,7	13,6	2 214,1	9,9
Тула	70,7	80,4	37,2	8,6	74,2	23,3	3 474,5	9,3
Ярославль	64,8	72,8	28,5	4,4	85,4	10,8	2 087,3	4,6

Заработная плата характеризуется наименьшей межгородской вариацией среди показателей таблицы 3. Коэффициент вариации в 2023 г. составил 10,3%. Более заметны различия в обеспеченности врачами – 18,6%. Самая высокая жилищная обеспеченность наблюдается в Туле и Тамбове, а максимальный прирост относительно 2017 г. – в Тамбове. По обеспеченности врачами лидируют Смоленск, Белгород, Тверь и Рязань.

Расчёт выпуска обрабатывающих производств на одного среднегодового работника организаций даёт укрупнённую характеристику индустриальной отдачи городской экономики. Это не официальная производительность труда отрасли, поскольку числитель относится к обрабатывающим производствам, а знаменатель включает работников организаций всех видов деятельности. Тем не менее, показатель выявляет структурную специализацию. Липецк, Тула, Рязань, Тверь и Ярославль существенно превосходят остальные города. Коэффициент вариации достигает 73,2%.

Отношение ввода жилья к общему объёму инвестиций также требует осторожной интерпретации. Высокие значения Костромы, Иванова, Тамбова и Смоленска показывают большую долю жилищного результата на единицу совокупных инвестиций, но низкий коэффициент в индустриальном городе может быть связан с направлением капитала в производственные и инфраструктурные проекты. Поэтому ни один из частных коэффициентов не должен использоваться изолированно.

Ранговая нормализация и агрегирование показателей дали результаты, представленные в таблице 4. Квартильные границы составили 0,412 для первого квартиля, 0,537 для медианы и 0,608 для третьего квартиля.

Таблица 4. Интегральная оценка исходной адаптационной готовности муниципальных систем городов – центров субъектов Центрального федерального округа (2017-2023 гг.) [рассчитано авторами]
Table 4. Integrated assessment of the initial adaptive readiness of municipal systems in cities that are centers of the constituent entities of the Central Federal District (2017-2023) [calculated by the authors]

Город	Индекс адаптационно-демографической устойчивости	Индекс ресурсно-организационного потенциала	Индекс результативности использования ресурсов	Интегральный индекс	Ранг	Относительная группа
Тула	0,583	0,650	0,747	0,660	1	Высокая
Калуга	0,700	0,783	0,413	0,632	2	Высокая
Рязань	0,467	0,700	0,693	0,620	3	Высокая
Тверь	0,650	0,533	0,667	0,617	4	Высокая
Липецк	0,600	0,733	0,480	0,604	5	Выше средней
Белгород	0,617	0,633	0,467	0,572	6	Выше средней
Тамбов	0,617	0,533	0,567	0,572	7	Выше средней
Ярославль	0,550	0,750	0,413	0,571	8	Выше средней
Брянск	0,650	0,367	0,493	0,503	9	Ниже средней
Владимир	0,417	0,617	0,387	0,473	10	Ниже средней
Воронеж	0,500	0,400	0,473	0,458	11	Ниже средней
Смоленск	0,300	0,400	0,573	0,424	12	Ниже средней
Курск	0,533	0,200	0,393	0,376	13	Пониженная
Кострома	0,417	0,267	0,380	0,354	14	Пониженная
Иваново	0,250	0,283	0,453	0,329	15	Пониженная
Орёл	0,150	0,150	0,400	0,233	16	Пониженная

В первую группу вошли Тула, Калуга, Рязань и Тверь. Их объединяет не одинаковая структура, а относительно высокий совокупный баланс. Тула имеет сильные ресурсный и результативный блоки при неблагоприятной демографии. Калуга лидирует по ресурсно-организационному потенциалу, но уступает по социально-результативному блоку. Рязань и Тверь демонстрируют более равномерное сочетание компонентов. Это различие принципиально, т. к. одинаковый интегральный итог требует разных управленческих решений.

Липецк, Белгород, Тамбов и Ярославль образуют группу выше медианы. Липецк обладает мощной индустриальной базой, но его результативный блок снижают врачебная обеспеченность и структура инвестиционной отдачи. Тамбов, напротив, имеет умеренный ресурсный балл, но более высокую социальную результативность. В нижней квартильной группе находятся Курск, Кострома, Иваново и Орёл. Для Орла характерны низкие значения адаптационного и ресурсного блоков; Иваново сочетает слабую ресурсную позицию с несколько более устойчивым результативным блоком.

Проверка чувствительности подтвердила устойчивость ранжирования. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена между базовым индексом и вариантом с повышенным весом результативности равен 0,982, а с вариантом ресурсного приоритета – 0,968. Следовательно, состав верхней и нижней групп не является следствием единственного набора весов, хотя позиции близких по значению городов могут меняться.

Экономико-организационный механизм адаптации муниципального управления. Разработанный индекс становится управленческим инструментом только при включении в последовательный цикл действий. Предлагаемый экономико-организационный механизм состоит из пяти взаимосвязанных блоков, представленных в таблице 5. Диагностический блок формирует ежегодную карту исходных условий и отклонений. Его задача – не составить очередной публичный рейтинг, а определить, какой компонент ограничивает способность территории выполнять полномочия и достигать целей. Например, низкий ресурсный балл при приемлемой социальной результативности требует сохранения эффективных практик и привлечения ресурсов; высокий ресурсный балл при слабой результативности – проверки структуры программ, проектной дисциплины и доступности услуг.

Таблица 5. Блоки экономико-организационного механизма адаптации муниципального управления [разработано авторами]
Table 5. Blocks of the economic and organizational mechanism for adapting municipal management [developed by the authors]

Блоки механизма	Основное содержание	Управленческий результат	Периодичность	Применение индекса
Диагностика	Сбор и верификация данных; расчёт блоков; выявление критических отклонений и статистических разрывов	Проблемный профиль муниципальной системы	Ежегодно и при существенном внешнем шоке	Определение красной, жёлтой или зелёной зоны
Институции и компетенции	Матрица полномочий, владельцев процессов, источников финансирования, данных и ответственности	Снижение дублирования и не обеспеченных ресурсами обязанностей	При изменении законодательства и организационной структуры	Расшифровка причин низкого блока и ответственного уровня
Ресурсы и программы	Увязка бюджета, имущества, кадров, инфраструктуры, муниципальных программ и портфеля проектов	Концентрация ресурсов на ключевом ограничении	В бюджетном и программном цикле	Дифференциация мер поддержки и приоритетов
Оперативная адаптация	Базовый, напряжённый и целевой сценарии; триггеры пересмотра; межмуниципальная кооперация	Своевременная корректировка решений	Ежеквартально или при достижении триггера	Контроль динамики частных индексов
Контроль и обратная связь	Мониторинг, финансовый контроль, удовлетворённость жителей, публичное обсуждение и повторная оценка	Замыкание цикла и проверка фактического эффекта	По итогам года	Сопоставление решений и изменения результатов

Институционально-компетентностный блок переводит изменения законодательства в матрицу функций и ответственности. Для каждой функции целесообразно фиксировать нормативное основание, уровень принятия решения, владельца процесса, источник финансирования, набор данных и показатель результата. Такая матрица уменьшает риск дублирования между муниципалитетом и субъектом Российской Федерации, а также риск передачи обязанности без достаточного ресурсного сопровождения.

Ресурсно-программный блок связывает диагностику с бюджетом, муниципальным имуществом, кадровым планом и портфелем проектов. При дефиците ресурсов приоритет должен отдаваться не равномерному сокращению всех мероприятий, а проектам, устраняющим наиболее критичное ограничение. В городах с демографическим сжатием это может быть оптимизация пространственной сети учреждений при сохранении доступности; в индустриальных центрах – инфраструктура, экологические и кадровые проекты; в административно-сервисных центрах – поддержка предпринимательской активности и повышение производительности муниципальных услуг.

Оперативно-адаптивный блок предусматривает сценарное управление. Для каждого критического показателя формируются базовый, напряжённый и целевой сценарии, а муниципальные программы содержат заранее определённые триггеры пересмотра. Такой подход особенно важен в переходный период, когда объём полномочий, межбюджетные условия и организационная структура могут изменяться быстрее, чем стандартный трёхлетний бюджетный цикл.

Контрольно-обратный блок объединяет мониторинг, муниципальный финансовый контроль, оценку удовлетворённости жителей и публичное обсуждение результатов. Для пилотного применения предлагается «светофорная» схема. Красная зона возникает, если интегральный индекс ниже первого квартиля выборки либо любой блок ниже 0,25; жёлтая – при значении между первым и третьим квартилями; зелёная – выше третьего квартиля при отсутствии блока ниже 0,40. Эти границы являются не универсальными нормативами, а стартовыми диагностическими порогами, которые должны уточняться на расширенной выборке.

Практическое встраивание механизма в управленческий цикл возможно в четыре шага. После обновления статистической базы рассчитываются частные индексы и выявляются ограничения. До начала формирования проекта бюджета проводится согласование проблемного профиля с отраслевыми подразделениями и органами субъекта Российской Федерации. Затем корректируются муниципальные программы, показатели и проектный портфель. По итогам года сопоставляются фактические изменения и первоначальные управленческие решения. Такой цикл превращает оценку из отчётной процедуры в основание для перераспределения внимания и ресурсов.

Применение индекса не должно вести к механическому сокращению поддержки муниципалитетов с низкими значениями. Напротив, нижняя группа требует большей диагностической глубины и дифференцированных инструментов, включающих межбюджетное сопровождение, типовые

цифровые решения, межмуниципальную кооперацию, кадровый резерв и проектную помощь. Верхняя группа может использоваться как источник сопоставимых практик, но перенос решений должен учитывать отраслевой и демографический профиль.

Выводы

Новая модель публичной власти требует оценивать муниципальную адаптацию как согласование институциональных требований, ресурсов и результатов, а не как одномоментное изменение территориальной или организационной схемы. Сформированная трёхблочная система показателей обнаруживает разные типы дисбаланса. Высокий ресурсный потенциал не гарантирует сопоставимой социальной результативности, а относительно благоприятные социальные показатели могут поддерживаться при слабой инвестиционной и фондовой базе. Поэтому управленческие меры должны определяться профилем блоков, а не только итоговым местом. Ранговая нормализация делает интегральную оценку устойчивой к экстремальным значениям индустриальных городов. Анализ чувствительности показывает, что общая конфигурация групп сохраняется при изменении приоритетов весов. Это позволяет использовать индекс как прозрачный базовый инструмент, сохраняя возможность политико-управленческой настройки. Научная новизна работы состоит в объединении дореформенной диагностики, трёхблочной оценки и циклического экономико-организационного механизма. В отличие от рейтингов, ориентированных преимущественно на итоговый балл, предложенный подход связывает результат оценки с матрицей полномочий, бюджетно-программной настройкой, сценарными решениями и обратной связью.

Практическая значимость заключается в возможности применять методику при подготовке муниципальных программ, обосновании межбюджетной поддержки, выборе объектов межмуниципальной кооперации и формировании ежегодного доклада о состоянии адаптации. Статистика 2017-2023 гг. должна рассматриваться как стартовая линия. После накопления данных 2025-2028 гг. методика позволит перейти от оценки исходной готовности к оценке фактических эффектов новой модели публичной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учётом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

2. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024). Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 25.05.2026). Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 09.04.2026 № 85-ФЗ «Об организации контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и о внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти”» / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

7. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов: Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 (ред. от 11.06.2021). Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 2003.

8. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607: постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 (ред. от 30.06.2021). Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7490.

9. Зазулина М.Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. Т. 7, № 3. С. 275-284. DOI: 10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284. EDN: DBYYPI.

10. Иванов А.А. О проблеме эффективности муниципальной службы в единой системе публичной власти Российской Федерации. Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 2. С. 21-25. DOI: 10.18572/2072-4314-2022-2-21-25.

11. Михеева Т.Н., Михеев Д.С. Некоторые размышления по поводу 20-летия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 439-445. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-4-439-445. EDN: PVQSLU.

12. Шахов А.А. Осторожный разворот: Конституционный Суд РФ о месте местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти. Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 29-33. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-3-29-33. EDN: RGQBCX.

13. Калюгина С.Н., Мухорьянова О.А., Пьянов А.И. Устойчивое социально-экономическое развитие региона в контексте перехода к одноуровневой модели организации местного самоуправления. Регион: экономика и социология. 2025. № 2 (126). С. 164-185. DOI: 10.15372/REG20250207.

14. Аладышкина А.С., Виноградова О.В., Леонова Л.А., Макаров А.С., Штефан М.А. Развитие методической базы рейтинговой ESG-оценки муниципальных образований. Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19, № 3. С. 137-157. DOI: 10.37490/S221979310026545-2. EDN: XPYCWG.
15. Волошинская А.А., Акимова В.В. Устойчивое развитие города и индикаторы для его измерения в целях стратегического планирования. Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 93. С. 207-223. DOI: 10.24412/2070-1381-2022-93-207-223. EDN: FVFVUL.
16. Жданчиков П.А., Ильина И.Н. Индекс городской успешности: к обоснованию методологии и методики сбора данных. Региональная экономика: теория и практика. 2023. Т. 21, № 2 (509). С. 230-254. DOI: 10.24891/re.21.2.230. EDN: TFBESC.
17. Лясковская Е.А., Худякова Т.А., Шмидт А.В. Совершенствование рейтинга российских умных городов. Экономика региона. 2022. Т. 18, № 4. С. 1046-1061. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-6. EDN: YAJJGD.
18. Макаров А.В., Пономарёв Ю.Ю. Международные рейтинги – друзья и враги в системе стратегического планирования. ЭКО. 2022. Т. 52, № 7 (577). С. 146-168. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-146-168. EDN: YHPTLU.
19. Валинурова Л.С., Казакова О.Б., Кузьминых Н.А. Тройная спираль в ESG-моделях развития муниципальных образований. Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2023. Т. 18, № 4. С. 355-373. DOI: 10.17072/1994-9960-2023-4-355-373. EDN: MIYBFL.
20. Рындина А.О., Свищева В.А. Финансовые аспекты развития Саратовской агломерации. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 42-47. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-1-42-47. EDN: DBSYCU.
21. Романова О.А., Галиуллина Г.Ф. Качество жизни как индикатор эффективности территорий опережающего развития. Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 4. С. 499-514. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514. EDN: FCGNUQ.
22. Зарова Е.В., Залманов И.А. Методы моделирования и анализа занятости населения в городах с учётом пространственного фактора. Вопросы статистики. 2024. Т. 31, № 4. С. 5-20. DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-4-5-20. EDN: RXHGSP.
23. Зубарев А.В., Мотякина Я.П. Территории опережающего развития и занятость в моногородах Российской Федерации. Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2024. Т. 59, № 3. С. 144-170. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-7. EDN: KMEKCA.
24. Дмитриева Е.О. Рейтинговые оценки муниципальных образований: роль в системе стратегического планирования и прикладные аспекты использования. Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований. 2026. Т. 15, № 1. С. 123-140. DOI: 10.12731/3033-5973-2026-15-1-313. EDN: GGMBTL.
25. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2020: статистический сборник / Росстат. Москва, 2020. 456 с.
26. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2022: статистический сборник / Росстат. Москва, 2022. 460 с.
27. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2024: статистический сборник / Росстат. Москва, 2024. 436 с.

Информация об авторах
Яшин Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор
Гуськова Ирина Владимировна – доктор экономических наук, профессор
Герсонская Ирина Валерьевна – доктор экономических наук, доцент

REFERENCES

1. Constitution of the Russian Federation. (1993, December 12; amendments approved July 1, 2020). Official Internet Portal of Legal Information. (In Russ.)
2. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014, On Strategic Planning in the Russian Federation (as amended July 13, 2024). Collection of Legislation of the Russian Federation, 26(I), Art. 3378. (In Russ.)
3. Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021, On the General Principles of the Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation (as amended May 25, 2026). Collection of Legislation of the Russian Federation, 52(I), Art. 8973. (In Russ.)
4. Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025, On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority (as amended April 9, 2026). Collection of Legislation of the Russian Federation, 12, Art. 1200. (In Russ.)
5. Federal Law No. 85-FZ of April 9, 2026, On the Organization of Control and Supervisory Activities in Relation to Local Self-Government Bodies and Local Self-Government Officials and on Amendments to Federal Law No. 33-FZ. Official Internet Portal of Legal Information. (In Russ.)
6. Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003, On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation (as amended April 9, 2026). Collection of Legislation of the Russian Federation, 40, Art. 3822. (In Russ.)
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 607 of April 28, 2008, On Assessing the Performance of Local Self-Government Bodies of Municipal and Urban Districts and Municipal Areas (as amended June 11, 2021). Collection of Legislation of the Russian Federation, 18, Art. 2003. (In Russ.)
8. Government of the Russian Federation. (2012). Resolution No. 1317 of December 17, 2012, On Measures to Implement Presidential Decree No. 607 of April 28, 2008 (as amended June 30, 2021). Collection of Legislation of the Russian Federation, 52, Art. 7490. (In Russ.)
9. Zazulina, M.R. (2022). Integrating into the system: Local self-government in the context of the new federal reform. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences, 7(3), 275-284. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284. (In Russ.)
10. Ivanov, A.A. (2022). On the problem of municipal service efficiency in the unified system of public authority of the Russian Federation. Municipal Service: Legal Issues, (2), 21-25. https://doi.org/10.18572/2072-4314-2022-2-21-25. (In Russ.)
11. Mikheeva, T.N., Mikheev, D.S. (2023). Some reflections on the 20th anniversary of the Federal Law On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation. Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 23(4), 439-445. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-439-445. (In Russ.)
12. Shakhov, A.A. (2024). A cautious U-turn: The Constitutional Court of the Russian Federation on the place of local self-government within the unified system of public authority. Constitutional and Municipal Law, (3), 29-33. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-3-29-33. (In Russ.)

13. Kalyugina, S.N., Mukhoryanova, O.A., Pyanov, A.I. (2025). Sustainable socio-economic development of the region in the context of transition to a single-level model of local government organization. Region: Economics and Sociology, (2), 164-185. https://doi.org/10.15372/REG20250207. (In Russ.)
14. Aladyshkina, A.S., Vinogradova, O.V., Leonova, L.A., Makarov, A.S., Shtefan, M.A. (2023). Development of the methodological framework for ESG rating assessment of municipalities. Pskov Regional Journal, 19(3), 137-157. https://doi.org/10.37490/S221979310026545-2. (In Russ.)
15. Voloshinskaya, A.A., Akimova, V.V. (2022). Sustainable urban development and indicators for measuring it for strategic planning purposes. Public Administration. E-Journal, (93), 207-223. https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-93-207-223. (In Russ.)
16. Zhdanchikov, P.A., Ilyina, I. N. (2023). Urban success index: Rationale for data collection methodology and technique. Regional Economics: Theory and Practice, 21(2), 230-254. https://doi.org/10.24891/re.21.2.230. (In Russ.)
17. Lyaskovskaya, E.A., Khudyakova, T.A., Shmidt, A.V. (2022). Improving the ranking of Russian smart cities. Economy of Regions, 18(4), 1046-1061. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-6. (In Russ.)
18. Makarov, A. V., & Ponomarev, Yu. Yu. (2022). International ratings: Friends and foes in strategic planning systems. ECO, 52(7), 146-168. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-7-146-168. (In Russ.)
19. Valinurova, L.S., Kazakova, O.B., Kuzminykh, N.A. (2023). Triple helix in ESG models for municipal development. Perm University Herald. Economy, 18(4), 355-373. https://doi.org/10.17072/1994-9960-2023-4-355-373. (In Russ.)
20. Ryndina, A.O., Svishcheva, V.A. (2023). Financial aspects of the Saratov agglomeration development. Tidings of Saratov University. Economics. Management. Law, 23(1), 42-47. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-42-47. (In Russ.)
21. Romanova, O.A., Galiullina, G.F. (2024). Quality of life as an indicator of the effectiveness of advanced development areas. Living Standards of the Population in the Regions of Russia, 20(4), 499-514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_2_499_514. (In Russ.)
22. Zarova, E.V., Zalmanov, I.A. (2024). Methods of modeling and analysis of employment in cities, taking into account the spatial factor. Statistical issues, 31(4), 5-20. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-4-5-20. (In Russ.)
23. Zubarev, A.V., Motyakina, Ya.P. (2024). Priority development areas and employment in Russian single-industry towns. Moscow University Economics Bulletin, 59(3), 144-170. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-3-7. (In Russ.)
24. Dmitrieva, E.O. (2026). Rating assessments of municipalities: Their role in strategic planning and applied aspects of use. Siberian Journal of Economic and Business Studies, 15(1), 123-140. https://doi.org/10.12731/3033-5973-2026-15-1-313. (In Russ.)
25. Federal State Statistics Service. (2020). Regions of Russia: Main socio-economic indicators of cities: Statistical yearbook. Moscow. (In Russ.)
26. Federal State Statistics Service. (2022). Regions of Russia: Main socio-economic indicators of cities: Statistical yearbook. Moscow. (In Russ.)
27. Federal State Statistics Service. (2024). Regions

Information about the authors
Sergey N. Yashin – Doctor of Economics, Professor
Irina V. Guskova – Doctor of Economics, Professor
Irina V. Gersonskaya – Doctor of Economics, Associate Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторы заявляют, что генеративные модели искусственного интеллекта не применялись при подготовке данной рукописи.
The authors declare that no generative AI models were used in the preparation of this manuscript.

Поступила в редакцию (Reserved) 11.04.2026
Поступила после рецензирования 03.08.2026
Принята к публикации (Accepted) 08.09.2026